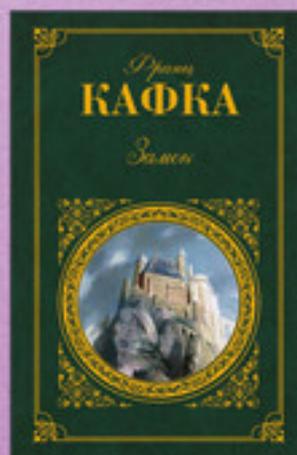

Франц Кафка

Певица Жозефина, или Мышиный народ

*Часть сборника
Замок (сборник)*

Франц Кафка

**Певица Жозефина,
или Мышиный народ**

«ЭКСМО»

1923

Кафка Ф.

Певица Жозефина, или Мышиный народ / Ф. Кафка — «Эксмо»,
1923

ISBN 5-699-15340-3

«... Нашу певицу зовут Жозефина. Кто ее не слышал, тот не знает, как велика власть пения. Нет человека, которого ее искусство оставило бы равнодушным, и это тем более примечательно, что народ наш не любит музыки. Самая лучшая музыка для него – мир и покой; нам слишком тяжело живется, и если мы даже порой пытаемся стряхнуть с плеч повседневные заботы, то меньше всего тянет нас в такие далекие сферы, как музыка. И нельзя сказать, чтобы это нас огорчало, отнюдь нет: больше всего мы ценим у себя деловую смекалку и лукавый юмор, они, кстати, и крайне нам нужны, и пусть бы даже нас – случай маловероятный – прельщало то наслаждение, какое будто бы дает музыка, неважно, мы с улыбкой примирились бы с этим лишением, как миримся с другими. ...»

ISBN 5-699-15340-3

© Кафка Ф., 1923

© Эксмо, 1923

Содержание

Франц Кафка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Франц Кафка Певица Жозефина, или Мышиный народ

Нашу певицу зовут Жозефина. Кто ее не слышал, тот не знает, как велика власть пения. Нет человека, которого ее искусство оставило бы равнодушным, и это тем более примечательно, что народ наш не любит музыки. Самая лучшая музыка для него – мир и покой; нам слишком тяжело живется, и если мы даже порой пытаемся стряхнуть с плеч повседневные заботы, то меньше всего тянет нас в такие далекие сферы, как музыка. И нельзя сказать, чтобы это нас огорчало, отнюдь нет: больше всего мы ценим у себя деловую смекалку и лукавый юмор, они, кстати, и крайне нам нужны, и пусть бы даже нас – случай маловероятный – прельщало то наслаждение, какое будто бы дает музыка, неважно, мы с улыбкой примирились бы с этим лишением, как миримся с другими. Жозефина среди нас исключение; она и любит музыку, и умеет ее исполнять: она у нас одна такая; с ее уходом музыка бог весть как надолго исчезнет из нашей жизни.

Я не раз пытался осознать, как же это у нас получается с музыкой. Ведь мы напрочь лишены музыкального слуха: отчего же нам понятно Жозефино пение? Или же – поскольку Жозефина это решительно отрицает – отчего мы считаем его понятным? Проще всего было бы сказать, будто ее пение так восхитительно, что увлекает и тупицу, но такой ответ не может нас удовлетворить. Будь это так, пение Жозефины производило бы на нас впечатление чего-то необычайного, словно из ее горла льются дивные, еще неслыханные звуки, словно нам трудно было бы даже их воспринять, если бы нас не сроднило с ними Жозефино пение. В действительности ничего подобного: я и сам не испытываю такого чувства, и не замечаю его у других. Напротив, в своем кругу мы скрываем друг от друга, что как пение Жозефино пение немногого стоит.

Да и можно ли назвать его пением? Хоть мы и немзыкальны, пение, как вековая традиция, живет в народной памяти; в прошлом у нас существовало пение; об этом говорят легенды, сохранились и тексты песен, но никто, конечно, не умеет их исполнять. Итак, понятие о том, что такое пение, нам не чуждо, однако Жозефино пение никак с ним не вяжется. Да и можно ли назвать его пением? Не просто ли это писк? Правда, все мы пищим, это наша природная способность, и даже не способность, а наше самовыражение. Все мы пищим, но никому и в голову не приходит выдавать это за искусство, мы пищим бездумно и безотчетно, многие даже не подозревают, что писк – наша особенность. Но если признать справедливым, что Жозефина не поет, а пищит, и, как мне кажется, не лучше, чем другие, – она даже уступает большинству в силе голоса; вспомните, как простой землекоп пищит напропалую с утра до вечера, да еще выполняя тяжелую работу, – если признать это справедливым, то от предполагаемого Жозефино искусства ничего не останется; но тем большей загадкой явится вопрос: чем же объяснить ее необычайное воздействие на слушателей?

Дело здесь, разумеется, не только в писке. Станьте поодаль и прислушайтесь или, того лучше, попробуйте – раз уж вы за это взялись – выделить ее голос из общего гомона, и вы не услышите ничего, кроме обычного писка; Жозефинин голосок разве что слабее и жиже других. Станьте, однако, против нее, и это уже не покажется вам только писком: чтобы оценить ее искусство, мало слышать, надо и видеть. Пусть вы услышите всего лишь обычный наш писк – необычно уже то, что кто-то, собираясь сделать нечто обычное, стал в величественную позу. Разгрызть орех не бог весть какое искусство, и вряд ли кто отважился бы собрать народ и грызть для его развлечения орехи. Ну а вдруг он бы это сделал и даже произвел фурор, мы, верно, усмотрели бы причину его успеха в чем-то постороннем. Но вполне могло случиться, что всем понравилась бы его затея, а отсюда следует, что мы проглядели это искусство, потому

что сызмала им владеем, и только наш щелкун раскрыл нам глаза на его истинную сущность. А если он к тому же посредственный щелкун и любой из нас превосходит его в этом искусстве, то это лишь говорит в пользу самого искусства.

То же самое, очевидно, и с Жозефиным пением: мы восхищаемся в нем тем, чем пренебрегаем у себя, и в этом Жозефина полностью с нами согласна. Кто-то в моем присутствии со всей возможной деликатностью и как о чем-то общеизвестном заговорил с ней про то, как популярен писк в народе. Но для Жозефины и этого достаточно. Надо было видеть, какую наша дива скорчила надменную и презрительную гримасу! С виду она воплощенная нежность, но тут представилась мне чуть ли не вульгарной; правда, она сразу же спохватилась и постаралась с присущим ей тактом исправить свой промах. Но это лишь показывает, как далека Жозефина от мысли, что есть какая-то связь между ее пением и писком. Тех, кто держится другого мнения, она презирает и, пожалуй, ненавидит втайне. Но тут в ней говорит не обычное тщеславие – ведь и оппозиция, к которой отчасти принадлежу и я, тоже ею восхищается; но Жозефина требует, чтобы ею не просто восхищались – обычного восхищения ей мало, извольте перед ней преклоняться! И когда вы сидите в публике и смотрите на нее, вам это понятно: быть в оппозиции можно только на расстоянии от нашей дивы; сидя же в публике, вы готовы признать, что ее писк и не писк вовсе.

Но уж раз пищать нам не в новинку, и мы сами не замечаем, как пищим, естественно было бы думать, что писк стоит и среди Жозефиной аудитории. Ведь ее искусство нас радует, а радуясь, мы пищим. Однако Жозефины слушатели не пищат, они сидят, затаившись, как мышка под метлой; можно подумать, что мы наконец сподобились желанного покоя и боимся спугнуть его собственным свистом. Что же нас больше привлекает на этих концертах – Жозефино пение или эта торжественная тишина, едва прошитая ее голосом? Как-то случилось, что глупенькая мышка, заслышав Жозефино пение, присоединила к нему свой голосок. Это был тот же писк, каким нас услаждала Жозефина; но в том, что на сцене, несмотря на рутину, чувствовалась известная сдержанность, тогда как в публике пищали по-детски самозабвенно, в общем же, никакой разницы; тем не менее мы затопали и зашикали на эту нарушительницу тишины, хоть бедняжка и без того готова была сквозь землю провалиться. Жозефина же затулила победный гимн: она в экстазе еще шире распростерла руки и еще выше запрокинула бы голову, если бы позволила ее короткая шея.

И так всегда: малейшим пустяком, каждой ничтожной случайностью, любой помехой: потрескиванием паркета, зубовым скрипом, неисправностью освещения – словом, любой заминкой Жозефина пользуется для того, чтобы повысить интерес к своему пению; ведь она считает, что ее слушают глухие; правда, по части вызовов и аплодисментов у нее нет причин жаловаться, однако настоящего понимания она якобы не находит и давно оставила надежду. Потому-то она и приветствует любую помеху; ведь все, что во внешнем мире в разладе с ее пением и что без особой драки и даже совсем без драки, а лишь в силу простого противопоставления ей удастся превозмочь, помогает расшевелить слушателей и внушает им если не настоящее понимание, то хотя бы сочувственное уважение к ее искусству. Но раз уж Жозефина всякую малость обращает себе на пользу, то что говорить о большом! Наша жизнь полна тревог, каждый день приносит свои неожиданности, страхи, надежды и разочарования; ни один из нас сам по себе не выдержал бы таких испытаний, если бы в любую минуту дня и ночи не чувствовал поддержки товарищей; но даже с этим чувством локтя нам порой приходится тяжело; бывает, что тысячи плеч изнемогают под ношей, которая, в сущности, предназначалась одному. Именно в такие минуты Жозефина считает, что время ее пришло. И вот она стоит перед вами, это хрупкое существо, и поет – грудь у нее выше живота так и ходит от натуги, кажется, что все свои силы она вкладывает в пение; все, что не участвует в пении, у нее обескровлено, вычерпано до отказа, точно она обнажена, отдана во власть стихий и под защиту добрых духов, точно в минуты, когда она поглощена пением, первое же холодное дыхание ветра

может ее убить. Видя ее в таком исступлении, мы, ее мнимые противники, говорим: «Она даже не пищит как следует: надо же так напрягаться – и не для того, чтобы петь, какое там! – а чтобы просто пищать, как пищит всякий». Таково наше первое неизбежное впечатление, но, как уже сказано, оно быстро проходит, а вскоре и нас охватывает чувство, владеющее толпой: привалившись друг к другу и согретье ее теплом, мы слушаем, затаив дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.